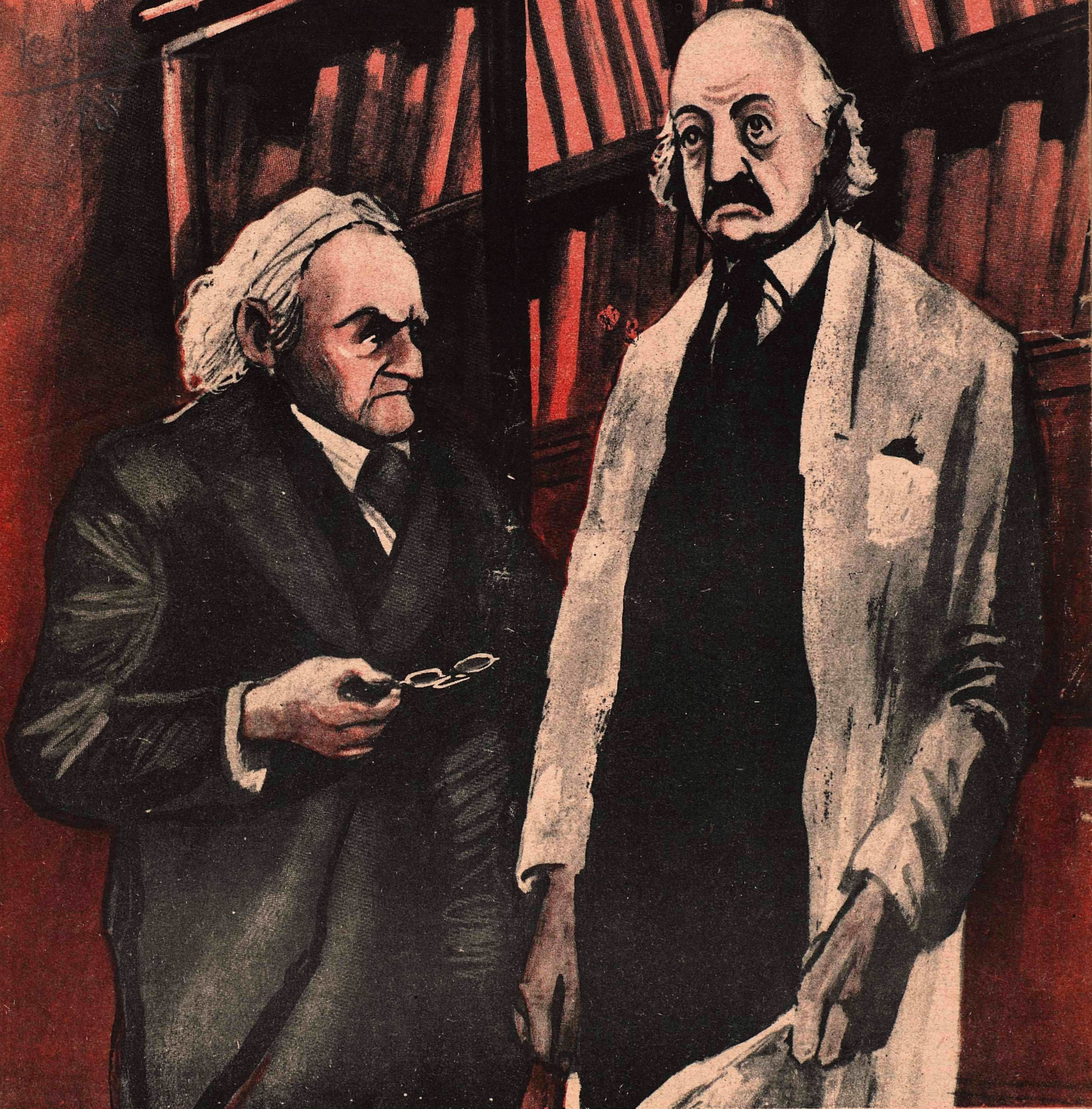

КРОКОДИЛ

№ 17 июнь

МОСКВА 1936

В ОДНОМ ГОСУДАРСТВЕ

Рис. Л. Бродаты

—Нас, господин профессор, новая советская Конституция касается, увы, только статьей сто двадцать девятой.

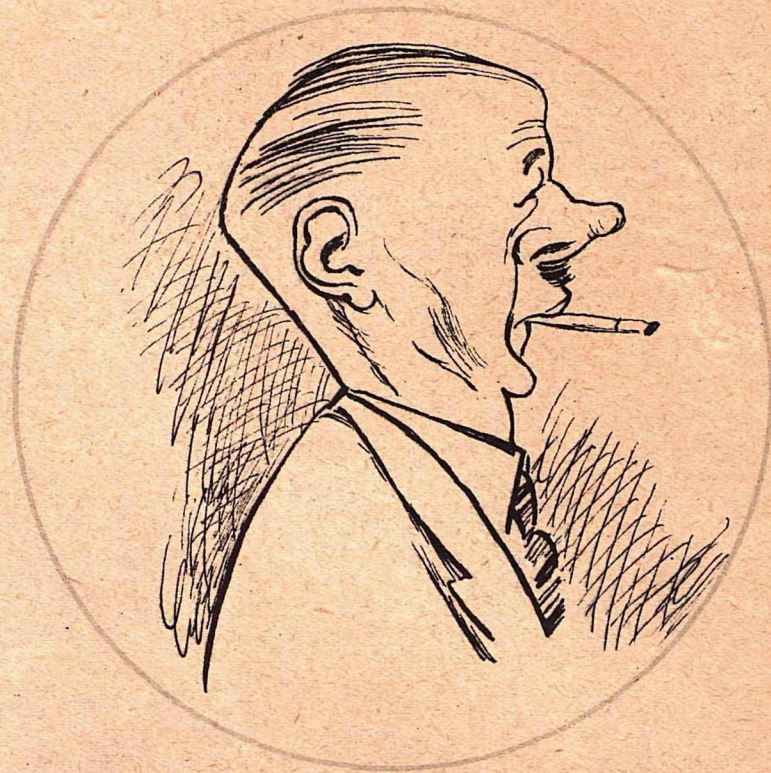
—А о чем она говорит?

—О праве на убежище.

А МНЕ НЕ НРАВИТСЯ

БЫЛО БЫ НЕОСМОТРИТЕЛЬНО ПРЕДПОЛАГАТЬ, ЧТО ПРОЕКТ НОВОЙ КОНСТИТУЦИИ НЕ ПОДВЕРГНЕТСЯ ОСУЖДЕНИЮ И НЕ ПОСЛУЖИТ ПРЕДМЕТОМ НЕДОВОЛЬСТВА СО СТОРОНЫ НЕКОТОРЫХ ГРАЖДАН.

КОЕ-КАКИЕ ИЗ ВЫСКАЗЫВАНИЙ ПОДОБНЫХ ГРАЖДАН МЫ ПРИВОДИМ ЗДЕСЬ.

Иван Петрович Стукачев. Управдел. Курит и служит. Любит дамский перманент и ванильные вафли. А также отдых и клюквенный морс.
— «Свобода печати»... Этак каждая уборщица будет свою стенгазету издавать! На одни опровержения весь день уйдет. Только работу затрудняют эти новшествами... А я — отдувайся!

Егор Петрович Пенкин. Бывший нэпман, ныне открытый распределитель товаров из универмага, с некоторой накидкой, на ближайшем базаре. Холост. Пьет. Возраста не имеет, так как последние 12 лет жизнью не считает.

— Свобода слова, печати, собраний!.. Мне ихние свободы ни к чему. Мне свободой уличных шествий заниматься некогда. Ты мне дай свободу частной торговли, — этим я займусь. А пока что меняю все четыре свободы на одну свободу частной торговли...

Аграфена Павловна Тычкина. Занимаемая должность — вдова. Особых примет, кроме характера, не имеет. При двух режимах изготовляла просфоры и чепчики.

— Свобода совести?.. Что же это будет: и так в церкву не ходят, именины не празднуют, юбки до колен, а теперь совесть совсем освободили... До чего докатятся!..

Симеон Николаевич Райский (до перемены фамилии — Твердоухов). Пьет и владеет патентом кустаря-примусника. По ночам вздыхает и мучается. Возраст — 54 года. Полных.

— «Неприкосновенность жилища»... Знаем мы эти большевистские штучки! Сначала два четырехэтажных дома в 1918 году национализировали, а теперь — неприкосновенность жилища... Меня не проведут!

Петр Петрович Конобоев. Специалист по китовому усу и раз'ездной агент волоколамской артели «Волокно-толокно».

— «Тайна переписки охраняется законом»... Так, так... А попробуй написать приятелю на склад, чтобы выдал по знакомству патефончик или серую тройку с крапинками, — сейчас же в стенгазете продернут... Знаем мы эту тайну переписки...

Анисим Петрович Солов'юкин. Помзав. Служит верой и правдой, а также за жалованье. Все разделяет, но не сочувствует.

— «Женщине в СССР предоставляются равные права с мужчиной во всех областях»... Мерси! Я думал, что это только у нас в столице такое безобразие, а теперь уже оказывается, что и во всех областях... Юбка свое взяла. Дожили!

А. П. Чихунов. Псевдоним — «Гвоздь-Шило». Продергивает в стенгазете зарвавшихся. Неумолим. Отвергает одеколон и плаукарты.

— «Тайное голосование»... Гнилой либерализм! Как тайно ни голосуй, все равно будет известно, кого выбрали. Зачем же эти поблажки беспартийным? Типичная интеллигентщина!..

Рис. Л. Бродаты

— А знаете, странная она какая-то, эта советская Конституция: никак не разберешь, где власть, где народ!

ТАЙНОЕ ГОЛОСОВАНИЕ

В порядке обсуждения проекта Конституции я имею некоторые важные замечания.

Вот уже около семи с половиной лет, как мне, работнику учета Мамонькину, снятся сны исключительно научно-популярного или политического характера. Пустяковых снов, аполитичных или, скажем, мелкобуржуазных, у меня не бывает.

Мне снятся директивы, лозунги, а также обязательные постановления нашего Березовского городского совета рабочих и крестьянских депутатов.

Так например за последний квартал я видел во сне Московский шахматный турнир, солнечное затмение и прополку огородных культур.

Это я говорю об основных снах. Но были и сны, посвященные более мелким оперативным вопросам, так сказать, текущим делам. Сюда относятся два кратковременных сна: об обязательной поливке улиц и повышении качества черного печеного хлеба.

В первой половине прошлой ночи мне приснились рыбные водоемы в разрезе расширения пищевой промышленности. Я повернулся на другой бок, и к рассвету я увидел во сне румынского министра иностранных дел господина Титулеску в момент его отъезда в Женеву на конференцию.

И вот так почти каждую ночь.

И все это происходит оттого, что я в идеологическом смысле окончательно перестроился. Товарищ, нечего надеяться на самотек: сны надо организовать. Нечего замазывать, до сих пор сны были у нас запущенным участком.

Я, к примеру, делаю так: перед тем как отойти ко сну, сосредоточу все свои мысли на каком-либо текущем вопросе или циркуляре. А потом засыпаю, и уж, будьте уверены, никакая чепуха в голову не ползет.

Не могу я сплетничать, но по секрету могу вам доложить: какие сны, например, могут быть у нашего счетовода Пенькина, когда он только и думает, что о сверхурочных и девушках? Или возьмем нашего начканца Крякина: у него в мыслях галстуки, стихи и драматический театр, — какие уж там, кроме баловства, могут быть сны?

Я, как вы уже успели убедиться, не таков. Но к чему я все это вам рассказываю? А вот к чему.

За последний отрезок времени наблюдается прорыв на сонном фронте. Вот уж несколько ночей, как меня посещают весьма печальные и тревожные сновидения, чего раньше не замечалось.

Вижу я во сне нашего уважаемого начальника Сергея Павловича, и будто он грозно указывает на меня перстом и кричит:

— А! И ты, Мамонькин?!

Страшно, товарищи! А все это происходит оттого, что я в последние дни много размышлял о проекте новой советской Конституции. Размышлял и, скрывать нечего, огорчился по поводу того, что впредь намечается при выборах тайное голосование.

Как же это так? Откуда наш Сергей Павлович будет знать, что я за него действительно подал голос? Откуда

у него после всего этого может быть уверенность во мне, в моей преданности ему как главе учреждения?

Ведь этак всякий подхалим — а их еще не мало у нас — может подбежать к Сергею Павловичу и, сладко улыбаясь, сказать ему: «А я, Сергей Павлович, за вас голосовал, честное слово». Но как это проверить и уточнить, если голосование тайное?

Тайное и огорчает меня. Ведь раньше как-то все было подходяще. Какое-нибудь общее собрание. Предположим, выборы в совет. Председатель называет кандидатуру Сергея Павловича. Я вскакиваю с места и горячо аплодирую. Сергей Павлович скромно опускает глаза вниз, он меня не видит. Не видит, но замечает.

Председатель звонит в колокольчик и спрашивает:

— Какие, товарищи, есть отводы?

Я машу рукой и кричу с места:

— Чего там! Какие же тут могут быть разговоры?

Сергей Павлович даже не смотрит в мою сторону, не видит меня. Не видит, но замечает.

Председатель опять звонит в колокольчик и говорит:

— Итак, ставлю на голосование. Кто за?

Я одним из первых подымаю руку. Но не просто подымаю, а с энтузиазмом потряхиваю ею.

— Кто против? Кто воздержался?

А я в ответ кричу;

— Никто! Какие тут могут быть разговоры?

Сергей Павлович в этот момент с интересом разглядывает люстру на потолке. Люстра, по совести сказать, ерундовая, но разглядывает он ее из скромности. Разглядывает и не видит меня. Не видит, но замечает.

Председатель вновь звонит в колокольчик и этаким особым голосом объявляет:

— Итак, кандидатура Сергея Павловича прошла единогласно.

Я тут как тут. Вскрываю с места и устраиваю шумную овацию. Сергей Павлович смущенно машет рукой: дескать, отношу эти аплодисменты не за свой счет. Скромность проявляет. И не видит меня. Не видит, но замечает.

А теперь что? Теперь Сергей Павлович имеет возможность подумать, что я, Мамонькин, голосовал против него. Вот что, товарищи, наделает это самое тайное голосование.

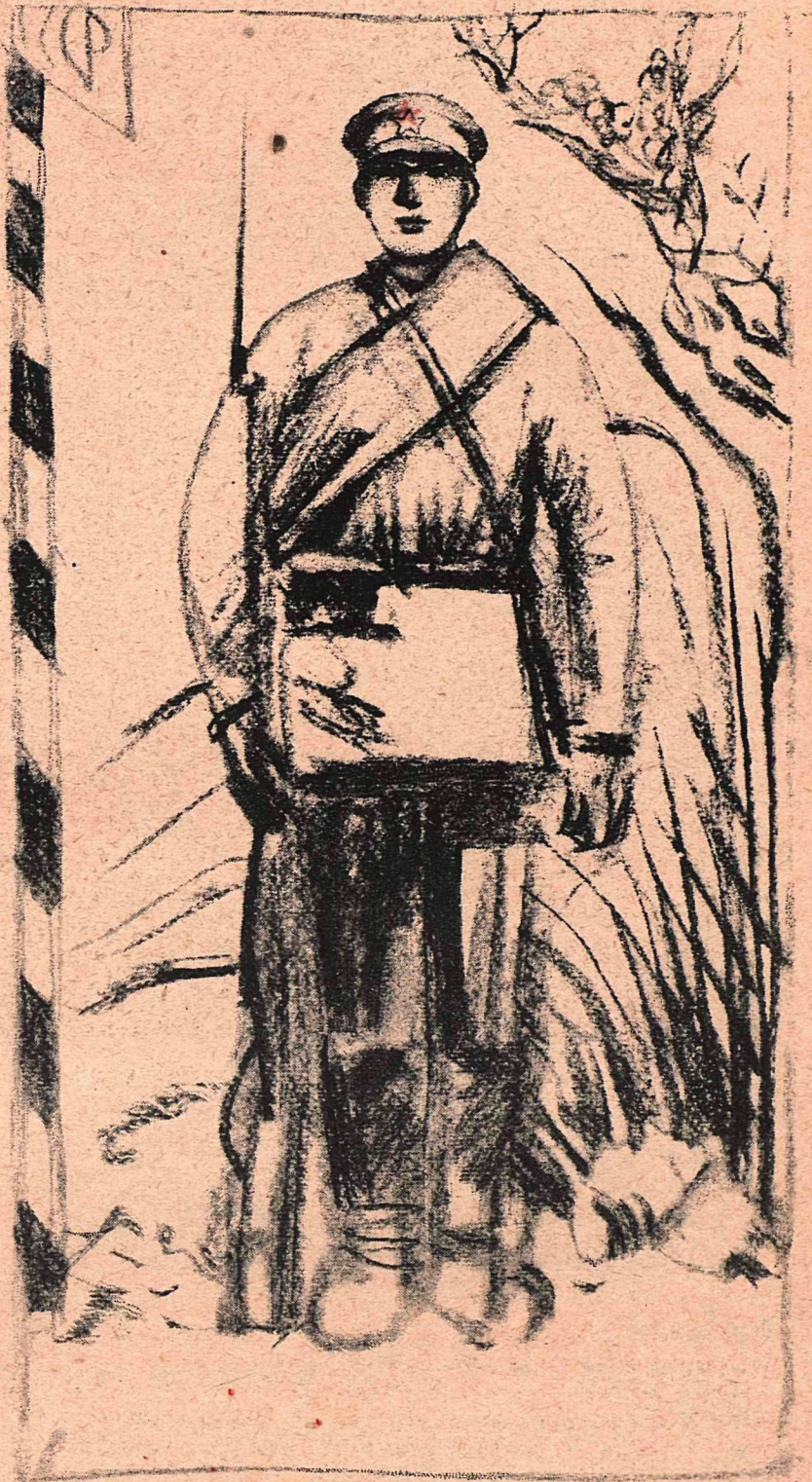
И вот почему последнее время беспокоен мой сон. Думаю, этой ночью опять явится Сергей Павлович и, тыча в меня указательным перстом, будет кричать:

— А! И ты, Мамонькин?!

Г. РЫКЛИН

ВАЖНЫЙ ПУНКТ...

Рис. М. Черемных

...полностью обеспеченный новой Советской Конституцией.

ТАЙНЫЙ ПЕРЕНОС ГОРОДОВ

Отмечаем одно событие, не предусмотренное в проекте Конституции СССР, но тем не менее подлежащее немедленному обсуждению.

«Советское искусство» пишет:

«Мервский городской наробраз Таджикской ССР...».

Сообщаем уважаемому органу искусства, что город Мерв до сего времени находился в Туркмении и только, очевидно, благодаря настояниям редакции попал в Таджикистан. Предупредила ли об этом редакция местное коренное население или сделала это в порядке личной инициативы?

КСТАТИ...

К статье 122-й проекта Конституции СССР: о правах женщины в нашем Союзе. Кое-что из настоящего и немного из прошлого.

ПРИКАЗАНО ИСЧЕЗНУТЬ

«В Тюрингии служащие женщины не были и не должны становиться обычным явлением. Весь обслуживающий персонал, работающий на производстве без определенной профессии, для блага общества должен исчезнуть».

(Из приказа руководителя фашистского «Трудового фронта» в Тюрингии. 1936 г.).

НЕ ДОРОСЛИ

«Правительство его величества убеждено, что еще не настало время, когда будет возможно использовать труд женщин в консульских или дипломатических учреждениях с выгодой для государства и для самих женщин. В этом случае оно руководствуется определенными соображениями».

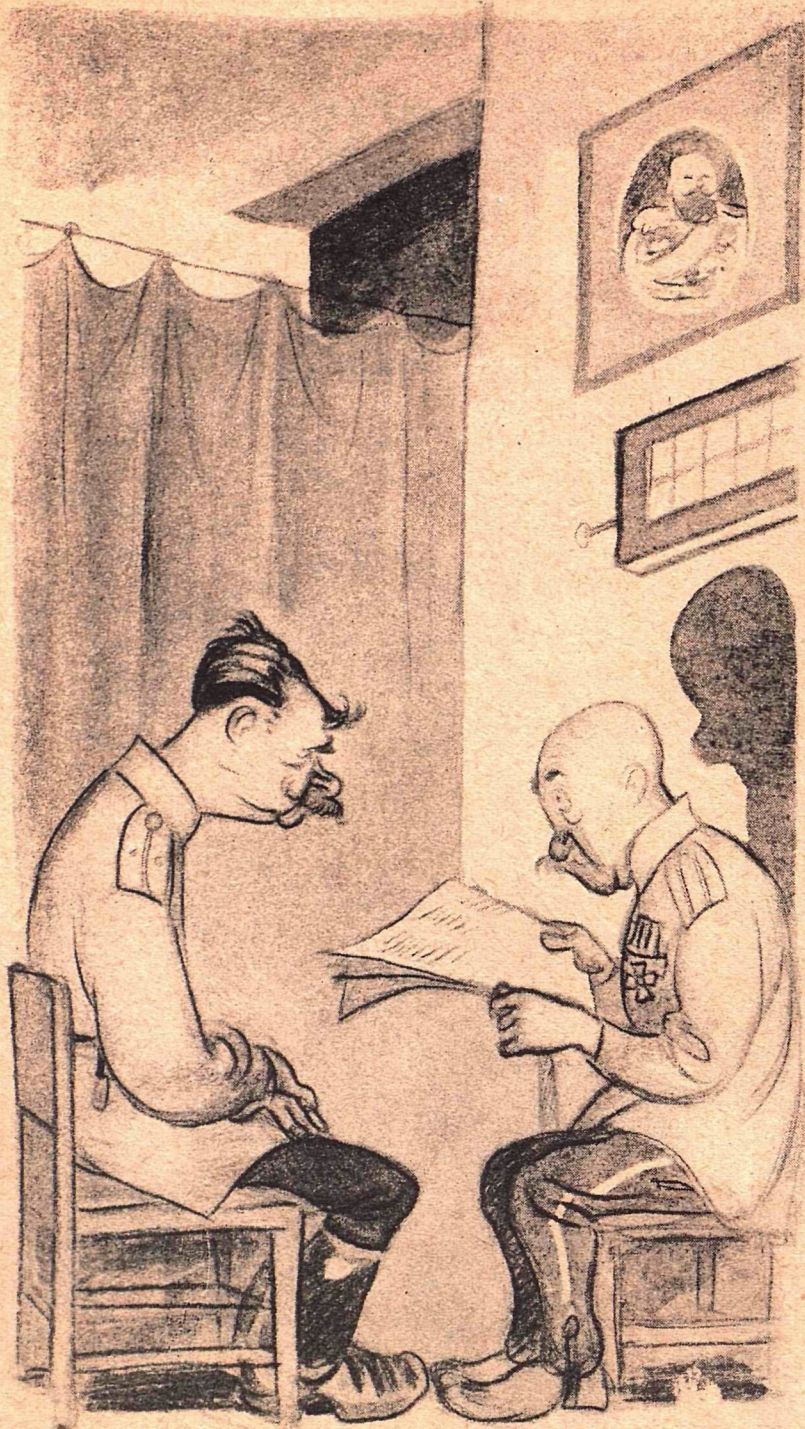
(«Белая книга». Лондон. 1936 г.).

ОБЯЗАНА ПОВИНОВАТЬСЯ

Ст. 107. «Жена обязана повиноваться своему мужу, как главе семейства, пребывать к нему в любви, почтении и неограниченном послушании, оказывать ему всякое угождение и привязанность, как хозяйка дома».

(Из свода законов Российской империи).

НА СТАРОЙ КВАРТИРЕ

Бор. Ефимов 36.

ЭМИГРАНТ: — Ну, о нас эта Конституция ничего не упоминает?

— Упоминает! И даже в новой редакции. Прежде мы были классовыми врагами, а теперь — враги народа.

КСТАТИ...

К статье 119-й проекта Конституции СССР: о праве на отдых гражданина СССР.

Коротенькое описание крестьянского праздника, сделанное мастерской рукой одного из лучших писателей старой России.

Время действия — девяностые годы.

«...По случаю праздника купили в трактире селедку и варили похлебку из селедочной головки. В полдень все сели пить чай и пили его долго, до пота и, казалось, распухли от чая, и уже после этого стали есть похлебку, все из одного горшка. А селедку бабка спрятала...»

(А. Чехов „Мужики“).

Однажды злым, холодным январским утром 1918 года в подлестничную каморку младшего дворника Федора Прокопова постучали. Федор отворил дверь и увидел трех человек: двух мужчин в солдатских шинелях и одну женщину в теплом оренбургском платке.

— Комиссия мы, — сказал высокий, тощий солдат с горящими черными глазами, — будем в вашем доме уплотнять буржуев, выселять их, так и далее. Ты, товарищ дворник, как пролетарий и борец давай нам подробное расписание жизненной биографии каждой буржуйской квартиры.

Федор извлек из ящика кухонного стола толстую домовую книгу (старший дворник Прохорыч сдал ее Федору перед отъездом в деревню) и стал докладывать комиссии по порядку:

— Квартера № 8. Здесь живут Самоваров Николай Иванович. Они держали булочную, — может, видели вывеску, когда шли? Из буржуев господин, но обходительный: всегда здоровкаются за ручку, называют Федором Павловичем. Ничего такого за ним не замечалось. Пять комнат, живут втроем.

— Выселим, — спокойно сказал солдат с черными глазами, — докладывай дальше.

— Квартера № 9. Здесь жили его высокопревосходительство генерал от инфантерии фон Таубе. Только они дуба дали, старый чорт, не дождался вас. Квартерка пустая, вдова куда-то съехала, все чисто бросила. Ключ мною сдан в район.

— Есть, записано. Наших заводских туда поселим. Дальше.

— Квартера № 10. Здесь живет первый в нашем доме буржуй, главная контра — Чаевников Василий Васильевич, профессор. Это такая язва, товарищи комиссия, что и передать невозможно. Как встретит, так начинает надсмехаться с подковыром. «Что, — говорит, — Федор, вас еще перзидентом не выбрали?» А у самого четыре комнаты, живет один с экономкой. Экономку звать Марфой Густавовной — немка, злющая жаба, так и шипит на простой народ, так и кидается, как собака какая. Прижгите его хорошенько, товарищи комиссия.

— Он чего профессор-то?

— Хрен его знает. Нето по арифметике, не то по кафедре какой-то, что ли. А сам с рыбами колдует все.

— Уплотним, — сказал солдат, сверкнув черным глазом, — вселим к нему... хотя бы тебя, товарищ дворник. Заберем у него две комнаты. Поучим. Дальше...

В тот же вечер Федор Прокопов с женой Аксиной и пятилетним сыном Ленькой устраивался на жилье в профессорской гостиной красного дерева, из окон которой была видна широкая река, скованная льдом, и черная громада дворца с дерзким красным флагом на крыше. Аксиныя конфузливо чистила картошку на японском лаковом столике, а Ленька в безмолвном восхищении стоял перед большим стеклянным ящиком, в котором плавали диковинные, сказочной, синей с золотом, раскраски рыбы. В соседней комнате тихо скулила потрясенная Марта Густавовна и раздавалось нервное пошаркивание профессорских пантофлей.

Неожиданно дверь отворилась — и сам профессор, высокий, худой, со строгой бородкой, вошел в гостиную.

— С новосельем! — сказал он иронически, раскланиваясь. — Надеюсь, вам нравятся ваши новые апартаменты?

— Ничего себе помещение, — степенно ответила Аксиныя. Федор промолчал.

— И, главное, со всеми удобствами, — продолжал профессор. — Вот, например, камин. На его решотке Федор Павлович сможет сушить свои портяночки. Кстати, красное дерево хорошо горит. В этом аквариуме вы, Аксиныя, — простите, не знаю вашего отчества, — наверное, будете купать свое дитя. А из моих рыбок, понятно, сварите себе уху. Не так ли?

Ленька оторвался от созерцанья рыбок, примиряюще сказал басом:

— Я тебе, мамка, не дам рыбов варить. Ишь ведь какие пестренькие! Ты, буржуй, скажи, где таких красивеньких наловил?

— Идите себе, Василий Васильевич,—тихо сказал Федор,— покоритесь рабоче-крестьянской власти, как вы есть буржуй.

Профессор побледнел и шагнул вперед:

— Я буржуй? Я, который отдал всю свою жизнь науке?!

— Рассуждение у вас буржуйское. Душа, то есть.

— Вот что, Федор,— сказал Василий Васильевич дрожащим от нескрываемой злобы голосом,— вы ведь, собственно говоря, троглодит, плотва и вобла. Вы слепая стихия.

— За стихию ответите, Василий Васильевич!

— Да, да, стихия. Но я вам все-таки скажу. Сегодня в вашей «Правде» напечатан «Проект декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа». Неужели можно серьезно верить в то, что там написано? Уничтожение эксплуатации человека человеком! Пышные, но жалкие слова. Да знаете ли вы, что если выловить из пруда, где живут караси, щук,— караси вырождаются и вымрут. Да-с... И вы вымрете начисто, господин карась.

— Не вымрем. Скорее вас, щук, подушим!

Профессор подбежал к аквариуму и патетически ткнул пальцем в стекло, показывая на круглую, как шар, одноглазую рыбку с золотыми прозрачными перьями на спинке:

— Вот этой маленькой рыбке сто лет от роду. А жить она может до двухсот. Это очень мудрая рыба, Федор. Кто знает, может быть, она не попадет в вашу уху и переживет нас с вами. Пусть же хоть она будет свидетелем этого разговора. Клянусь вам, она еще увидит мир исцеленным и естественный порядок вещей восстановленным. А да что я с вами говорю, все равно вы ничего не поймете.

За дверью раздался плачущий голос Марты Густавовны:

— Василий Васильевич, идите кушать, а то пшено одеревянело.

Профессор ушел. Одноглазая столетняя рыбка, тихо шевельнув плавниками, опустилась на дно.

... Июньским утром 1936 года ассистент профессора Чаевникова, Леонид Федорович Прокопов (тот самый Леня, который 18 лет назад любовался его рыбками), сидел за чайным столом на старой профессорской квартире, в окна которой были видны широкая, стального цвета река, черная громада дворца и белые облака на небе.

Профессор Василий Васильевич—такой же худой, длинный, только совсем уж седой,— держал в руках газету и говорил громко, горячо, вдохновенно:

— Я помню вас еще мальчиком, Леня. Вы так молоды, что не можете понять по-настоящему значение этого документа. Вы, молодежь, так привыкли к сложившемуся порядку вещей, что вас не волнует так, как меня, когда законом—понимаете, основным государственным законом!—навечно за человеком закрепляется право на труд и отдых. Вы не жили в старом мире. У вас нет точек сравнения. Для вас это только... «достижение»!

— А для вас— разве не достижение, Василий Васильевич?

— Да вы поймите, Леня, что здесь другое слово нужно взять. Ведь тут такие перспективы открываются, что дух захватывает!

Профессор встал, прошелся по комнате и остановился около аквариума:

— Поглядите на эту одноглазую рыбку, Леня. Она живет около ста лет и будет жить столько же. Это очень мудрая рыбка. Наверное, она переживет меня и даже вас. Пусть хоть она будет свидетелем нашего разговора, Леня. Клянусь вам, что этот подлец через стекло рыбьим своим глазом увидит еще более замечательные вещи в этом мире, Леня.

Одноглазая столетняя рыбка, шевельнув плавниками, тихо опустилась на дно. Она молчала красноречиво, так, как умеют молчать только рыбы.

ЛЕОНИД ЛЕНЧ

Рис. М. Черемных

— А я судью и выбирать не буду. Все равно, какого ни выберешь, за мое дело любой три года припаяет.

КСТАТИ...

К статье 126-й проекта Конституции СССР: о праве граждан на объединение в организации.

Чисто юбилейная справка. Тридцать лет назад Николай II принимал делегацию «Союза русского народа». Милостивая беседа затянулась. Приводя отрывок из нее, даем ему объективное название —

ИЗВОЗОПРОМЫШЛЕННИКИ КАК БАЗА

Государь сказал:

— Объединяйтесь, русские люди, я рассчитываю на вас.

После речи Борисова государь сказал:

— Благодарю, и передайте мою благодарность всем единомышленникам.

За сим государь спросил:

— Кто вы?

Борисов ответил, что он извозпромышленник и что извозпромышленники употребили все старания удержать извозчиков от забастовки.

На это государь спросил:

— И удалось?

Борисов ответил:

— Удалось.

На это его величество опять сказал:

— Передайте извозчикам мою благодарность; объединяйтесь и старайтесь.

(„Московские ведомости“. 1906 г. № 12).

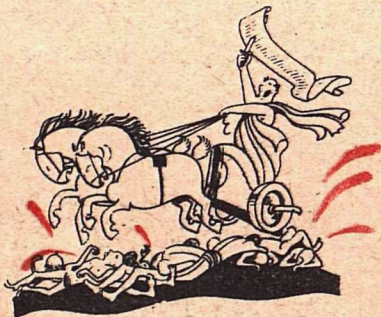
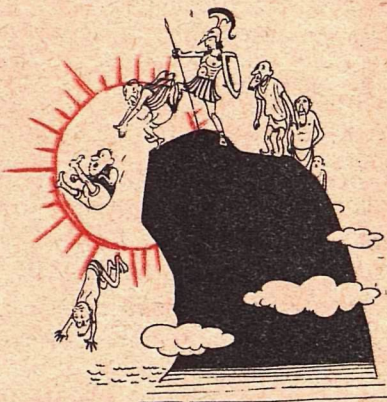

ИЗ ИСТОРИИ

ЖЕЖОП

Текст Арт. БУХОВА

Местные старожилы утверждают, что первая конституция была создана в древнем Риме одним из императоров, имя и отчество которого в настоящее время мало популярно. Тогда была эпоха хлеба и зрелищ, с сильным перевесом в сторону последних, и многие римские граждане, не пугаясь лишений, умирали. Для того чтобы скрасить их античные будни, император предложил легкую конституцию, по которой все граждане объявлялись равными перед судом, с точным распределением обязанностей: патриции и их подкулачники имели право судить, а рабы и остальные свободные

граждане — судиться. Попутно упомянутая конституция подтверждала и все права личной собственности. Так например имущество могло быть конфисковано только в том случае, если оно кому-нибудь понравится. Во всех других случаях его отбирали без конфискации.

Более гуманная и близкая к современным европейским конституциям была создана в древней Греции. Например в Спарте. Она уже предусматривала некоторую государственную заботу о старости. Так, городских стариков, нарушивших принцип частной собственности, при-

водили на пригородную Тарпейскую скалу и сбрасывали вниз, чтобы они случайно не заживались. В близлежащей провинции их сталкивали с местных возвышенностей. Бесплатно и без каких-либо коммунальных налогов. В позднейшее время в Греции государственный строй заменили монархические перевороты, а в промежутках — Венизелос.

Позже конституции имели место в других частях Европы, преимущественно там, где короли и императоры не успевали вовремя скрыться от верноподданных. Только когда из дворцовой кухни убегал последний поваренок, стража уже начинала бить стекла вместе с осаждающими.

а министр двора спасался на крыше и за водосточной трубой дожидался новой эры, — только тогда король решал, что

приходится населению дать конституцию.

Последняя обычно составлялась по принципу изготовления суточных щей в недорогом ресторане. Из старого мяса, новой воды и чего-нибудь неопределенного для вкуса.

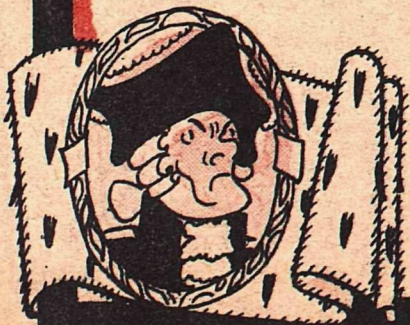
Для заправки брались более или менее популярные изречения философов, поэтов и других людей свободных профессий, которых королевская власть не успела повесить и которые по-своему искренно хотели добросовестной конституции.

Наиболее бесстыжий из министров помнил все эти изречения наизусть и вставлял их по мере необходимости.

— Пишите, — диктовал он секретарю, — пункт первый. Все люди свободны. Примечание А: кроме подлежащих аресту по пункту первому. Примечание Б: а также остальных. Дальше. Человек дышит воздухом. Примечание А: воздух принадлежит королю и сдается в аренду за наличный расчет. Пункт третий. Каждый наслаждается счастьем на земле. Примечание А, Б и В: в размерах, отпущенных администрацией на данную территорию.

Когда в своем окончательном виде конституция доходила до населения, она была такой красивой, что ее можно было петь хором или исполнять соло на семейных праздниках. Она с чисто либеральным размахом умножала количество подлежащих аресту, увеличивала налоги и вносила гармонию в производство путем уменьшения зарплаты. Правда, такая конституция вносила некоторую сумятицу в отдельные группы населения: аристократы становились фабрикантами, фабриканты — аристократами, епископы — и теми и другими, — но основная масса населения продолжала вести прежнюю мирную жизнь на прочной базе доконституционного недоедания, оброков и барщин и других мелких деталей, свойственных группам, не принимающим участие в составлении конституций.

Год за годом техника конституционного дела улучшалась. В Европе становилось спокойнее, приближался двадца-

ТОРБЕ

КОНСТИТУЦИИ

Рисунки Ю. ГАНФА

тый век. Уже нарождались специальные кадры составителей конституций в каждом государстве. По характеру своей работы они напоминали холодных сапожников. Во время событий они ходили бледные с ног до головы и блеяли тонкими голосами о своих заслугах. А когда революция кончалась, из дворца или парламента выбегал сонный малый и кричал:

— Эй, как вас там... Берите инструменты и идите писать конституцию!

В темной комнате под лестницей, чтобы молотки не мешали расшалившимся хозяйским нервам, конституционные молодцы на хозяйских харчах быстро залатывали все дыры и прорехи, нанесенные событиями. С чисто профессиональным проворством они отдавали населению всю воду, землю, птиц, власть, рыб и растительность. Но к воде недоставало хлеба, к птицам — корма, к рыбам — разрешения их ловить, а растительность оказывалась за решетками, как и все те, которые были недовольны свежесжатой конституцией.

— Ну, что вы там настряпали? — снисходительно проверяли хозяева принесенный заказ. — Свобода питья кофе? Это можно. Право на лечение насморка? Пожалуй, можно оставить с некоторыми поправками. Земли остаются у помещиков? Так. Фабрики у фабрикантов? Так. Избирательное право у домовладельцев? Так. Ну ладно, можете идти. Там вас на кухне покормят и выдадут кое-какие привилегии.

Очень много мечтала о конституции Екатерина II и даже переписывалась по этому поводу с Вольтером, но, будучи

сильно занята личными делами, заменила конституцию раздачей крестьян и земель своим добрым знакомым. Николай I легко примирился на порке населения, полагая, что она является более четкой и крепкой базой для его царствования чем расплывчатая конституция. Очень чутко отнесся к конституции Александр III, которого за тупость и аппетит московские купцы прозвали Блаженным, он же Миротворец. Когда один из министров предложил обожаемому монарху представить проект конституции, обожаемый икнул и меланхолично заметил:

— У меня уже четыре дня изжога, а вы еще с конституцией лезете!

В годы Николая II вопрос о конституции был поставлен особенно остро, но надо со всей исторической объективностью сказать, что мнения по поводу нее сильно разнились друг от друга. Некоторые адвокаты и получившие среднее образование мануфактуристы полагали, что при конституции можно оставить и монарха в качестве исторического довеска для их и его личного благополучия. Другие, более либеральные, соглашались на одну конституцию, без монарха, но с оставлением корпуса жандармов для порядка. Третьи, и именно для большего порядка, настойчиво предлагали убрать и монарха, и адвокатов его, и мануфактуристов его, и жандармов его. Это предложение

считалось бестактным, но не случайно собрало большинство голосов и было открыто высказано в 1917 году. Причем были приведены такие веские аргументы, что для обдумывания их некоторым оппонентам пришлось пешком переходить через границу. Оставшаяся группа дискутантов перекочевала на юг и при помощи иностранных самоучителей конституционного права выдвинула свой проект конституции, тщательно разработанный по пунктам. Так, в области национальной, южная конституция предлагала плановые еврейские погромы, в области аграрного вопроса — земских начальников и конных стражников, по рабочему законодательству она гостеприимно предлагала использовать опыт производственных взаимоотношений на острове Борнео и Танганайке. Вскоре после опубликования этой конституции

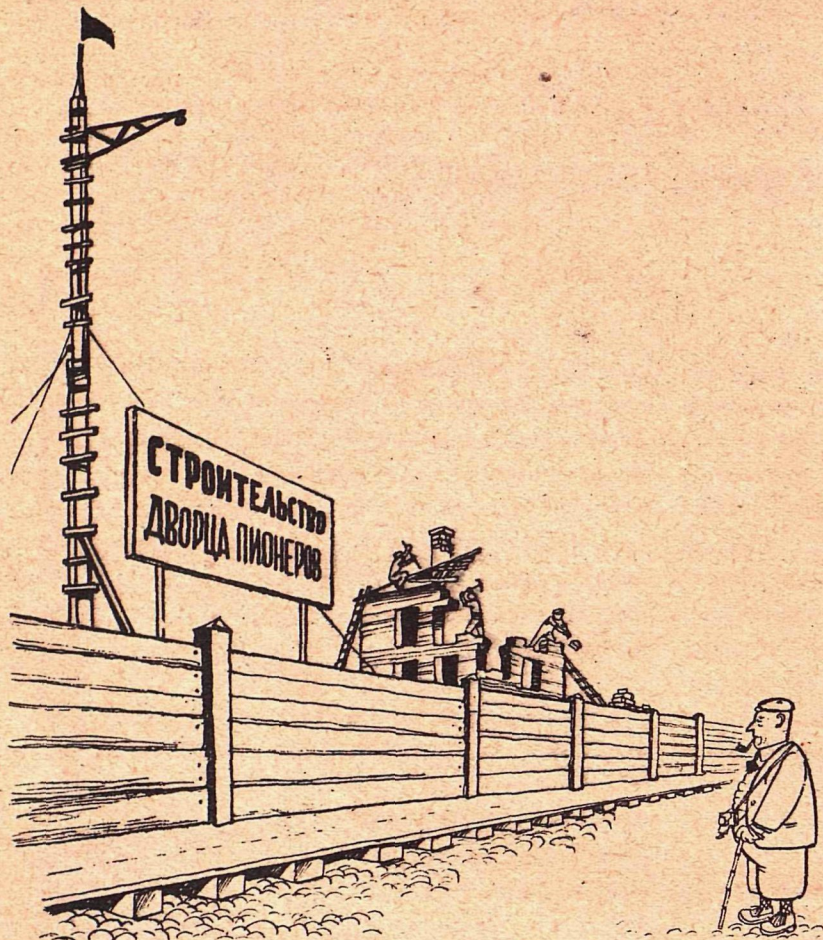
авторы ее соединенными усилиями конных и пеших частей Красной армии были неделикатно отодвинуты в море.

Это была последняя конституция, которую старая Россия могла предложить широкому кругу населения.

ОБЛИЧАЮЩИЙ ПЕЙЗАЖ

Рис. М. Храпковского

— Говорят о неприкосновенности жилищ, а сами дома ломают.

КСТАТИ...

К статье 97-й проекта Конституции СССР: об осуществлении культурного строительства советами депутатов трудящихся.

Самая краткая характеристика сравнительно недавнего культурного состояния некоторых городов государства Российского.

ТУЛА

В 1912 году в Туле было 100 кабаков и 50 винных лавок. Свой скудный заработок население пропивало в кабаках. И вот последствия: в 1912 году 207 человек опились, 38 замерзли, 98 утонули, 107 сгорели, 49 были убиты и совершено 68 самоубийств. Менее $\frac{1}{4}$ детей обучалось в школах. В городе было 58 церквей и 3 монастыря, 7 «чудотворных» икон, 14 раз в год устраивались «крестные ходы».

(По архивным материалам)

ТАМБОВ

Людей, занимавшихся наукой, литературой и искусством, насчитывалось только 69 — немного больше чем проституток, которых было зарегистрировано 60. (По материалам Первой всероссийской переписи 1896 г.)

КСТАТИ...

К статье 121-й проекта Конституции СССР: о праве граждан СССР на образование.

Несколько кратких сведений о прохождении курса образования гражданами других стран. Заимствовано нами из иностранной печати.

ЦЕНА ОБРАЗОВАНИЯ

«В знак протеста против повышения платы за учение 3500 учеников Варшавского технического училища бросили занятия и забаррикадировались в школьном помещении».

(Март, 1936 г.)

ГОРЯЧАЯ ПОМОЩЬ

«Банда фашистов сожгла в Вера-Круце (Мексика) школы для рабочих. Один из учителей был брошен в огонь и сгорел».

(Апрель, 1936 г.)

ЗАХИРЕВШЕЕ ИСКУССТВО

13 июня в кабинет товарища Зыгунова вошел один из его подчиненных и спросил:

— Проект Конституции, конечно, читали, Пал Палыч?

— Читал. Разумеется, документ немалой важности. Однако имею дополнения. Скорее, даже возражения:

— Возражения, Пал Палыч?!

— Угу! Не приходится закрывать глаза на то, что Конституция губительно отзовется на одном высоком, я бы сказал, искусстве...

— То есть, Пал Палыч?

— Я имею в виду искусство анкеты. Высокое искусство:

— А где же, Пал Палыч, в проекте говорится об уничтожении анкеты как таковой?

Товарищ Зыгунов снисходительно улыбнулся.

— Не будьте ребенком, дорогой мой, — сказал он, — конечно, впрямую там об анкетах ничего нет. Но вы обратили внимание на то, что граждане Союза получают право голоса независимо от прежней деятельности?

— Это — да.

— Ага! А я об чем? Прежде, бывало, анкета была основа. Анкету составить нужно было с большим мастерством. «Что делал до революции 1905 года?» Допустим, субъект пишет: «Рожался». Ага! «От кого рожался? Занятие отца? Сословие? Сословие матери?» Настоящий составитель анкеты должен иметь чутье! Может, у человека отец и мать в порядке, зато жена представляет интерес. Потом: «Что делал до 17 года? Во время? После? До нэпа? Во время нэпа? После?» При умелой анкете человек перед тобою, как облупленный... А теперь? Вся прошедшая деятельность отпадает. Только настоящее. Вот в чем беда!

— Почему же беда, Пал Палыч?

— Ах, боже мой, да за анкетой-то я, как за каменной стеной. Мне за каждого человека его палочка отвечает. Чин. Сан. Сословие. А теперь я должен самого человека рассмотреть.

— Ну?

— Ну я за это не могу отвечать. Я, может, не умею. Может, я не вижу, кто есть. Как же мне руководить при таких условиях?

— Да, разве что...

— Я думаю! Да прежде-то, если чуть-чуть что не так в анкете, — я его сейчас уволю. А придет объясняться, я такое лицо сделаю, будто государственная тайна у меня внутри сидит. И я его прошу от святого места удалиться. Пока еще, знаете, он жалобу напишет, пока ее разберут, пока мне прикажут его принять обратно, пока я приказание выполняю... А сейчас? Сейчас этому всему — каюк. Уволил — будьте любезны причины на стол. А нет причин — тебе же будет хуже...

— Н-да...

— Вот вам и «Н-да!» А какое, еще раз скажу, искусство гибнет! «Не было ли среди ваших родителей шаманов, лам или дервишей?», «Не находились ли вы в 1927 году в Крыму при землетрясении?» Ведь вымрет это все. Погибнет! Как какая-нибудь Помпея погибнет. Нет, как хотите, а я представлю докладную записку. Пусть все-таки подумают...

Товарищ Зыгунов грустно засвистал, а подчиненный его тихой поступью удалился из кабинета. За стеной шумно обсуждали проект Конституции.

В. АРДОВ

ПОПУГАЙ

Сонную тишину обширной базарной площади прорезал заливчатый милицейский свисток. Затем из-за ларьков, где колхозники торговали редиской и вялым щавелем, вынырнул и помчался сломя голову молодой гражданин, лет тринадцати, с клеткой, которую он обнимал обеими руками. Парнишка бежал так быстро, что трудно было различить, что за существо невероятно яркой окраски верещало внутри клетки. За мальчишкой, с трудом переводя дыхание, бежали милиционер, продавец из мануфактурного магазина и масса добровольцев из публики. Милиционер непрерывно свистел. Наперерез мальчишке из магазинов выбегали озабоченные люди и пытались ударить на него с флангов. При этом все деловито кричали: «Держи вора!»

Был жаркий летний день. Солнце жгло вовсю. Бессильное против вековых луж базарной площади, оно отыгрывалось на многотысячном населении города.

Жара расслабляла волю и энергию преследователей, лужи заставляли их делать сложные петли и крюки, в то время как преследуемый, которому все уже было нипочем, шпарил напрямик.

И все-таки его нагнали бы, если бы на одном особенно значительной ухабе милиционер не поскользнулся и, не шлепнулся о землю. Его бросились поднимать. И этой ничтожной доли минуты оказалось достаточно для того, чтобы юный злоумышленник, бросив мешавшую ему клетку, вспрыгнул на высокий забор и немедленно скрылся в неизвестном направлении.

— Это птица попугай, — сказал продавец из мануфактурного магазина. — Они водятся в жарких местах, например в Индии.

— А ну, давайте клетку, — сурово прервал его милиционер и направился в милицию.

В отделении было прохладно и скучно. Какой-то пьяный гражданин в ожидании протокола порывался шлепнуть кепкой по горшку с геранью, поставленному на окне в рассуждении уюта. Дворник, приведший пьянчужку, придерживал его за руки и зловеще шептал:

— А ну, тронь только. Это герань милицейская — будешь платить в тройном размере...

Дежурный по отделению, вяло взглянув на вошедшего милиционера и на зеленую клетку с попугаем, заметно оживился:

— А ну давай сюда! Это птица попугай.

Попугай лежал на дне клетки, полу мертвый от страха и грязи, которая залепила его голову, глаза и запачкала его удивительное цветистое оперение.

— Чей попугай? — заинтересовался дежурный.

— Отбили у неизвестного вора, товарищ дежурный. На толчке. Один гражданин приценивался к попугаю, а тот самый мальчишка-вор был довольно подозрительный, и который приценивался спросил: «Откуда достал такую важную птицу и в такой, тем более, клетке?», — а тот наутек. Ну мы, конечно, его не поймали, но птицу, конечно, отобрали.

В городе было не так уж много попугае-единиц, чтобы нельзя было разыскать хозяина украденной птицы, и дежурный, призвав на помощь милиционера, начал составлять список известных ему владельцев этих экзотических птиц.

— Во-первых, — сказал он, — запишем Федосеева, который водокачкой заведует...

В списке набралось уже девять человек, когда попугай, которого за это время успели уже отмыть от грязи, встряхнул крылышками и бодрым голосом произнес:

— Это безобразие!

— Ишь ты, — обрадовались присутствовавшие, — разговаривает.

— Кто здесь хозяин?! Кто здесь хозяин?! Я хозяин! — верещал попугай, вызываясь поворачивая во все стороны свою горбоносую голову с франтовским яркозеленым хохолком.

В комнате стало весело.

— Вот это здорово! С такой птицей не пропадешь. Чистый патефон! Сурьезная птичка.

— Хорошо бы ее накормить, пока суть да дело, — задумчиво проговорил дежурный, благожелательно посмотрев на входившую в раж птицу.

— Может быть, может быть, — орал между тем попугай, хлопая крыльями. — Как хотите. Не знаю. Представьте проект... Впрочем, пожалуй... Впрочем, нет... Впрочем, посмотрим...

— Пойдите-ка, товарищ дежурный, — придержал милиционер руку дежурного, собиравшегося продолжать список возможных владельцев попугая. — Может быть, так обойдется.

И, обратившись к попугаю, он, ко всеобщему удивлению присутствовавших, произнес просыющим голосом:

— Товарищ председатель, тут насчет ремонта мостовых пришли.

— Некогда, некогда, — немедленно отвечал попугай.

— Опять-таки насчет парка культуры, — продолжал как ни в чем не бывало милиционер.

— В будущем бюджетном, — начал было отвечать попугай, но милиционер уже не слушал его, а, обратившись к дежурному, удовлетворенно сказал:

— Все в порядке. А то я раньше сомневался. Думал, может быть, участкового врача. А теперь ясно. Позвоните, пожалуйста, товарищ дежурный, на квартиру председателя городского совета товарища Кишнарева.

Через несколько минут дежурный положил телефонную трубку на рычажок и тихо сказал милиционеру:

— Сказали, чтобы немедленно принесли птицу. А то очень весь день волновались.

Л. ЛАГИН

НЕ В ЧИСЛЕ ИЗБИРАТЕЛЕЙ

Рис. Л. Сойфертиса

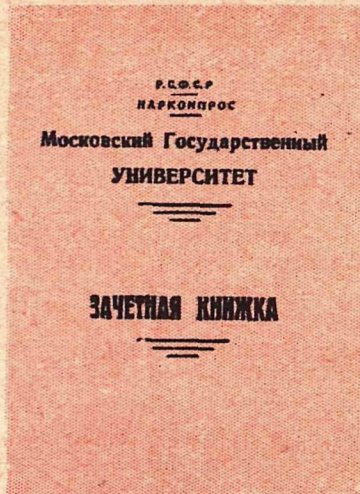

— Ну, Васька, что нам теперь мешаешь воспользоваться 135-й статьей Конституции?

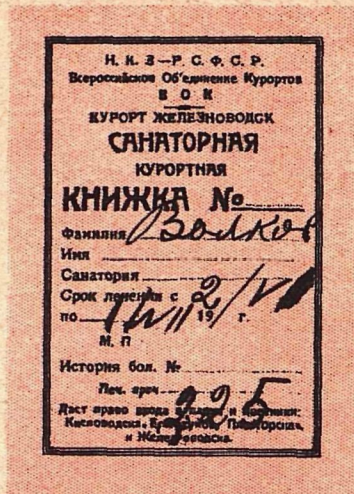
— Другие статьи... Из уголовного кодекса.

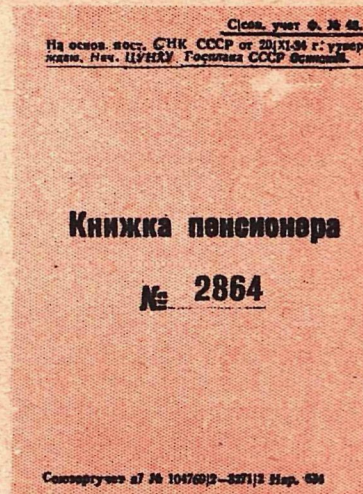
Право на труд.

Право на образование.

Право на отдых.

Право на обеспечение старости.

ДОЧЬ ПОЛКОВНИКА

Поскольку уже точно выяснены все обстоятельства этого дела, мы имеем возможность поделиться с читателями некоторыми подробностями.

Опросом самой Вали Кузнецовой, а также очевидцев установлено:

В тот день, в двенадцатом часу, Валентина Петровна Кузнецова, двадцати одного года, беспартийная, несудимая, стояла у буфета и ела бутерброд.

Ела она бутерброд с лососиной и разговаривала с гражданкой Екатериной Чикмаревой, своей сослуживицей по сектору безалкогольных напитков. Тут же, у буфета, в двух или трех шагах от них, стоял калькулятор Семеркин и хладнокровно пил чай с ватрушкой.

Неизвестно, как и почему, но гражданка Чикмарева задала Кузнецовой такой вопрос:

— А кто твой отец?

Кузнецова откусила кусок бутерброда с лососиной и равнодушно ответила:

— Полковник.

Обе девушки, увлекшись едой и разговором, не заметили, как вздрогнул калькулятор Семеркин. Не обратили они внимания, конечно, и на следующую подробность: гражданин Семеркин, не допив своего чая, выбежал из столовой, доедая по дороге ватрушку.

По ходу действия мы вынуждены прервать на одну минуту наше повествование и сказать несколько слов о калькуляторе Семеркине.

Это всегда тихий и всегда улыбающийся человек. Такой человек, который мухи не обидит. И действительно, мух он не обижал. Но этой зимой он насыпал в молоко соседке по квартире большую горсть соли.

Итак, если помните, Семеркин, не допив своего чая, выбежал из столовой, доедая по дороге ватрушку. Он прибежал в кабинет Петра Евграфовича и взволнованной скороговоркой сообщил:

— Новость, большая новость, Евграф Петрович, к нам в учреждение затесались чуждые элементы: Кузнецова, как мне удалось точно выяснить, — дочь скрывшегося полковника.

Не успел Петр Евграфович и рта разинуть, как Семеркин бросился вон из его кабинета. Через минуту он шептал на ухо товарищу Федяеву:

— Бдительность ослабла, товарищ Федяев, в нашем тресте орудует дочь злейшего белогвардейца, Кузнецова. Надо разоблачить и принять меры.

Через полчаса почти все сотрудники треста шептались:

— Слыхали? А? Кузнецова? Скрыла свое происхождение. Папаша-то ее нето граф, нето князь.

А Семеркин сидел в местке и терзал своей скороговоркой председателя месткома Зубцова:

— В нашем тресте, товарищ Зубцов, прорыв в полной форме, по клюквенной воде недовыполнение на тридцать процентов; по ситро на двадцать восемь, а с крем-содой позор, сорок процентов плана, а все оттого, что к нам затесался чуждый элемент, дочери генералов или полковников.

Зубцов велел принести анкету Кузнецовой. Посмотрел в анкету и ахнул:

— Что же это такое? А? Куда это годится? Эта нахалка прямо в анкете так и написала «дочь полковника». Вызвать сюда эту самую дочь полковника! Мы ее сейчас окончательно выведем на свежую воду. Вот беда, так беда! Тут надо проработать проект новой Конституции, а вместо этого приходится возиться с какими-то затесавшимися девицами. Скорей сюда Кузнецову!

Приходит в местком Валя Кузнецова. Зубцов старается говорить с ней мягко и деликатно. А Семеркин сел к окну и делает вид, что его это все мало касается, что он просто смотрит в окно и наблюдает уличное движение.

Зубцов. Садитесь.

Кузнецова. Спасибо.

Зубцов. Вы давно у нас работаете?

Кузнецова. Третий год.

Зубцов. Так, так. Третий год. Ну и как себя чувствуете?

Кузнецова. Хорошо. Меня недавно опять премировали.

Зубцов. Так, так. Премировали? Хорошо. А разрешите полюбопытствовать, кто это вас премировал?

Кузнецова. Местком за общественную работу. Вы же сами подписали.

Зубцов. Так, так. Я сам? Вот как? А скажите, пожалуйста, кто ваш отец?

Кузнецова. Полковник.

Зубцов. Так, так. Полковник. Хорошо. То есть хорошего тут мало. Сектор безалкогольных напитков — ответственный участок по утолению жажды трудящихся. И нам придется поставить вопрос о вашем увольнении.

Кузнецова. За что?

Зубцов. Вы еще спрашиваете? (У окна раздается хихиканье Семеркина). Дочь полковника...

Кузнецова. Нет, товарищ Зубцов, вам не удастся меня уволить.

Зубцов. Мы недавно сына псаломщика уволили, а дочь полковника — это раз плюнуть (Семеркин хихикает).

Кузнецова. Не удастся. Даже если бы я сама была полковником.

Зубцов. Ну, мне некогда с вами канителиться. Я спешу на собрание для проработки новой Конституции.

Кузнецова (в тон Зубцову). Так, так. Для проработки. Хорошо. Так вот внимательно прочитайте Конституцию и тогда кое-что поймете (уходит).

Зубцов (вскакивает ошеломленный). Ах, да! Вот история! Что значит с непривычки. (Вдруг набрасывается на Семеркина). Чорт лысый! Ты чего лезешь с заявлениями? Прежде чем беспокоить меня, ты бы газету почитал. Из-за твоей политической неграмотности я в дураках остался...

Входит Кузнецова.

— Товарищ Зубцов! Я хочу вам рассказать еще одну подробность. Правда, она к моему делу не имеет прямого отношения. Но все-таки. Мой папа и теперь полковник.

Семеркин (радостно). Вот как! Где?

Кузнецова. На Украине. Командует полком Рабоче-Крестьянской Красной армии.

Е. ГРИГОРЬЕВ

Рис. Л. Бродаты

— Что же судьи не выносят приговор?
— А они его еще не получили!

Дорогой Крокодил!

В проекте новой Конституции сказано, что «земля, ее недра, воды и т. д. являются государственной собственностью, т. е. всенародным достоянием». Помоему, это значит, что даже с водой нельзя обращаться так преступно бесхозяй-

ственно, как это делает, например, бумажная фабрика Понинки, Винницкой области. Эта фабрика спускает отходы своего производства не в специальные фильтры, а прямо в речку Хомор, протекающую у фабричных стен.

Мощные усилия бумажников по отравлению вод

речки Хомор дали блестящие результаты. Рыба погибла лет шесть тому назад совсем. Купаться в реке, а тем более пить ее черную вонючую воду невозможно. Неужели же это безобразное отношение к всенародному достоянию и к здоровью людей, живущих на берегах реки, прой-

дет для понинковских бумажников безнаказанно? Не верю!

Председатель совета жен инженерно-технических работников Токаревского государственного фарфорового завода
П. МАКАРЕНКО

Токаревка,
Киевской обл.

Рис. Л. Генча

- Почему ты вчера не зашел ко мне?
- Занят был.
- Личные дела?
- Да. Изучал Конституцию.

ОСОБЫЙ ОТДЕЛ

ПРОФБРАДОБРЕЙ

Вместо подробного изложения столь необычайного факта начнем просто с документа, подтверждающего его достоверность:

Редакции журнала «Крокодил».

Рабочком Л.-Александровской МТС на Старобельщине подтверждает, что в момент подготовки к обмену профбилетов председатель рабочкома г. К. Голубов принудил стариков, в возрасте до семидесяти лет, товарищей Т. М. Руденко и Д. Ф. Мовчана сбрить бороды и усы для фотографирования на карточки для обмена билетов, угрожая им исключением из членов союза.

За председателя рабочкома (подпись).

Именно, как это говорится у поэта:

«И за усы мои седые меня с угрозой ухватил...»

Но поэт сказал и успокоился. А как будет реагировать краевой профсовет на это хватание за усы и бороды во имя достижений стандартного анфаса и профиля для профсоюзных билетов?

НЕВАЖНЫЙ ДОМ

Противно всякое невежество. Но вдвое противнее невежество нахальное и крикливое, как гармошка в руках пьяного.

Именно в таком тоне рекламирует свою культработу Иркутский дом культуры крайсовпрофа. Полюбуйтесь таким образом:

ДОМ КУЛЬТУРЫ КСПС (6. КОР)

Художественно-музыкальная комедия-монтаж романа Н. Островского.

«КАК ЗАКАЛЯЛАСЬ СТАЛЬ».

Принимаются заявки на культпоходы.

Там же требуются пожарработники.

Интересно, зачем такому дому, рекомендуемому роман Н. Островского как «музыкальную комедию-монтаж», еще потребовались «пожарработники»? Если в качестве смены руководства, — всецело одобряем. Работники топора и шланга безусловно окажутся конфузливее и культурнее нынешних руководителей Иркутского дома культуры.

ПОД ТЯЖЕСТЬЮ ПРОБЛЕМ

Кисловодская Госэстрада и Курортное управление вступили в длительную и глубоко принципиальную дискуссию о том, кто именно из них имеет право обучать местных и приезжих зрителей западным танцам.

Приводим любопытный отрывок из письма местного управления Госэстрады в санаторий «Красная звезда»:

«...Управление зрелищными предприятиями Госэстрады на КМВ настаивает на немедленном прекращении у Вас уроков танцев и перенесении всей этой работы в специально организованный тансинг в летнем театре Верхнего парка—Курзал—под руководством методического руководителя московской школы педагогов западных танцев В. А. Лаврентьева».

Мы с нетерпением ждем конца этого принципиального боя. Кто же восторжествует — санаторий ли, танцующий внепланово и стихийно, или тансинг, опирающийся на мощную научную базу в лице методического руководителя западных танцев? Время не терпит. Торопитесь, товарищи!

ЕЩЕ О ПРАВЕ НА ОБРАЗОВАНИЕ

В своем неустанном попечении о просвещении Управление по ликвидации неграмотности среди взрослого населения Наркомпроса Молдавской республики выпустило волнующий своей неграмотностью плакат:

*«Не одного неграмотного
возрастом от 16 до 50 лет
не должно оставаться в этом году
вне школ ликбеза».*

С этим тираспольским плакатом перекликается объявление, вывешенное наднях на дверях Московского дома писателей:

«Сегодня 6 дом закрытый виду выходного дня».

Мы надеемся, что как работники Управления ликвидации неграмотности молдавского Наркомпроса, так и администрация московского дома писателей в ближайшие же дни воспользуются провозглашенным в проекте Конституции правом на образование и не останутся «вне школ ликбеза».

Дорогой КРОКОДИЛ!

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

Дорогой Крокодил!

15 июня явились мы в Московский совет. Нам заявили, что прием в секциях Совета начинается в 12 часов дня. Мы прождали свыше часа, а ответственные работники все не являлись. Оказалось, они были заняты на собрании сотрудников орготдела и секций Моссовета, где обсуждался вопрос о приеме посетителей.

Собрание кончилось. Технические работники открыли, наконец, двери секций. Ответственные же работники остались попрежнему в орготделе, — на этот раз уже на совещании.

И это на другой день после того, как работники Московского совета слушали доклад председателя Комиссии советского контроля тов. Антипова о быстром разрешении жалоб, о чутком отношении к посетителю!

Четверо из нас пришли в Моссовет с жалобой на беспорядки в детском отделении Боткинской больницы. Двое пришли по жилищным делам.

В орготделе нам разъяснили, что собрание в рабочие часы разрешил провести заведующий орготделом тов. Шумный.

Кто дал право тов. Шумному распоряжаться нашим временем? Кто дал ему право так бесцеремонно обращаться с посетителями?

Если при предстоящих выборах в Московский совет будет выставлена кандидатура тов. Шумного, мы напомним его избирателям день 15 июня.

О. Н. КУПРИЯНОВА,
М. К. ЭРДЫШ, Г. И.
АГУДОВ, А. А. ШИКОВ-
КО, И. И. ДЕРЕВЦОВ,
С. С. ГОЛИКОВ

Дорогой Крокодил!

Не знаю, как относится правление нашего колхоза к свободе слова, совести, печати и собраний. Но по вопросам сохранения тайны переписки оно считает себя свободным от указаний нашей Конституции. Оно так интересуется тем,

что будет напечатано о его колхозе в районной газете, что старается прочесть всякую заметку, идущую туда из нашего колхоза. Дело в том, что письмоносец у нас колхозник и перед тем, как отнести принятую для отправки в газету заметку, он носит ее в правление, где с нею и ознакомливается колхозное начальство.

Дорогой Крокодил! Посоветуй мне, как пересылать заметки в газету, минуя цензуру правления на-

шего колхоза. Неужели мне с каждой заметкой придется бегать на почту за девять километров?

Учительница Удаль-
цовской школы
Е. САХНОВСКАЯ.

Верховажский р-н,
Северного края.

Дорогой Крокодил!

Через четыре дома от меня, на той же улице, где я живу, находится детская амбулатория. Когда я обра-

тился туда за помощью для моего больного ребенка, мне заявили, что я прикреплен к другой амбулатории, расположенной на расстоянии восьми кварталов от меня

Как ты думаешь, дорогой Крокодил, какой именно формой бюрократизма страдает тот работник Областного отдела здравоохранения, который ведет прикреплением районов к амбулаториям?

ЧЕБОТАРЕВ.

Свердловск.

В ПОЛЬСКОМ СЕЙМЕ

Рис. М. Храпковского

—За что это вас так?

—Да я, знаете, выразил сомнение в неприкосновенности депутатов,—ну меня и... переубедили.

Редактор МИХАИЛ КОЛЬЦОВ.

Редколлегия: Л. ЛАГИН, В. ЕРМИЛОВ, Б. ЛЕВИН, Л. РОВИНСКИЙ

Рукописи не возвращаются

Адрес ред.: Москва, ул. „Правды“, 24; тел. Д 3-33-48; Д 3-33-47. Прием ежедн. с 1 до 5 час. ● Подписная цена на журн. 1 р. 20 к. в месяц ● Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда“

Москва. Изд. № 583

Сдача текста и рисунков 15/VI—36 г.

Подп. к печати 16/VI—36 г.

Статформат 72×108. 1/8 печ. л.

Печ. л. 3. Кол. зн. в 1 печ. л. 120 000

Уполномоч. Главлита Б—24904

Типография газ. „Правда“ им. Сталина, Москва, ул. „Правды“, 24.

Заказ № 1297

Тираж 266000

рис. К. Ротова

— От одного права я охотно бы отказался — от права на труд.